

РЕДКИЕ ЭПИТЕТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Азизбек Баходир ўгли Собиров

Наманганский государственный институт
иностранных языков имени Исхокхона Ибрата<https://doi.org/10.5281/zenodo.11422965>

Аннотация. В статье рассматриваются редкие эпитеты с точки зрения их функционирования в текстах писателей первой половины XIX века, в частности, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К.Н. Батюшкова и других писателей. Изучается роль эпитета в создании эмоционально-экспрессивного тона, семантические параметры употребления эпитетов в произведениях русских писателей

Ключевые слова: Экспрессивность, Семантические и синтагматические связи эпитета, классификация эпитетов, нестандартные атрибутивные сочетания, индивидуально-авторские эпитеты.

RARE EPITHETS IN POETIC SPEECH THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Abstract. The article examines rare epithets from the point of view of their functioning in the texts of writers of the first half of the nineteenth century, in particular, V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, K.N. Batyushkov and other writers. The role of an epithet in creating an emotionally expressive tone, semantic parameters of the use of epithets in the works of Russian writers are studied

Keywords: Expressiveness, Semantic and syntagmatic connections of an epithet, classification of epithets, non-standard attributive combinations, individual author's epithets.

Эпитеты занимают значительное место в поэтической речи первой половины XIX века и, с одной стороны, связаны со сложившейся традицией словоупотребления и ориентированы на систему образных определений предшествующих направлений – классицизма и сентиментализма; с другой стороны, эпитеты первой половины XIX века характеризуются возрастающей тенденцией к индивидуализации определений.

Семантические и синтагматические связи эпитета предопределяются его значением, однако размытость лексического значения, потенциальная полисемантичность имен прилагательных обуславливают наличие в семантической структуре определения имплицитных, ассоциативных сем. Круг семантических ассоциаций шире у качественных прилагательных, поэтому они составляют подавляющее большинство редких эпитетов в

поэзии первой половины XIX века: **В.А.Жуковский** – *глухая душа, жадная судьбина, неверные волны, несытая земля, покорная тишина, пышные надежды, радостная гордость, ясное терпенье*; **А.С.Пушкин** – *ветреный успех, гордая жажда, жадная скука, живые слезы, злая храбрость, ласковые измены, лукавый путь, немая забота, пестрая тревога, послушная душа, прилежный страх, прозрачная лесть, пылкая правда, ревнивая судьбина, свободная гордость, седое время, сладкая беседа, храбрый век*, **М.Ю.Лермонтов** – *болтливое вниманье, верные мечты, вольный воздух, гульливая метель, жадные думы, живая мука, нагая резкость, немое безнадесье, пасмурная тоска, послушная тоска, ревнивые тучи, теплая вера, юный луч*[3,76]

Подавляющее большинство редких определений метафоричны и являются следствием переноса признаков одного семантико-ассоциативного поля в другое на основе имплицитного тождества восприятия различных предметов и явлений. Чаще всего перенос идет по двум направлениям: **1) перенос признаков, свойственных живому существу, на неживое:** *задумчивые небеса, унылая земля* (Жуковский), *угрюмая буря* (Капнист), *угрюмая смерть* (Батюшков), *алчная земля* (Пушкин), *жадная волна, ленивые чувства* (Баратынский), *ревнивая волна, ревнивые тучи* (Лермонтов), *строптивные волны* (Бенедиктов), *боязливая луна* (Глинка) и т. п.; **2) перенос признаков, характерных для конкретных предметов, на отвлеченные понятия:** *железная судьба* (Батюшков), *пестрая тревога, прозрачная лесть, упругая судьба* (Пушкин), *ветхие дни* (Баратынский), *бесплатные мечты, ветхие мечты, сухая жизнь* (Бенедиктов), *ветхий век, скользкая жизнь* (Глинка) и т. п. **Значительно реже встречается перенос признаков, свойственных неодушевленным предметам, явлениям, на одушевленные:** *безъякорный певец* (Бенедиктов), *сахарный амур* (Майков)[4,132].

Поиск аналогий стирает семантические границы между, казалось бы, далекими объектами и расширяет их ассоциативные связи. Представления различных сфер чувственного восприятия (зрительной, слуховой, вкусовой, обонятельной, осязательной), переплетаясь, становятся основанием метафорического сочетания. Синэстетические определения, таким образом, расширяют круг индивидуально-авторских эпитетов первой половины XIX века: *благовонные слова, звонкий пламень, яркий зной, яркий крик* (Глинка), *прохладная тишина* (Жуковский), *лазурная тишина* (Лермонтов), *яркий смех* (Майков) и т. п.[1,78]

Анализ нестандартных атрибутивных сочетаний показывает, что в подавляющем большинстве случаев можно представить мотив переноса и найти мотивирующие семы, которые входят в импликационал определяемого определения и находятся в латентном

состоянии на периферии их лексического значения. [7,35] Мотивирующие образы входят в сознание носителей языка и, подобно всякой продуктивной модели, обладают значительной предсказательной силой. Многие редкие эпитеты потенциальны, потому что их можно предугадать. Обратимся к примеру.

Изгнанник помнил звук мечей, // И льдистый ужас полуночи, // И небо Франции своей (Пушкин. Наполеон). Чувство сильного страха (в «иерархии страхов» само слово страх занимает золотую середину: опасение – боязнь – страх – ужас – жуть) приводит человека к подавленности и оцепенению, подобно тому, когда он испытывает холод. Метафора страх – холод мотивирует появление эпитета *льдистый* обладающий способностью сковывать, приводить к оцепенению, а языковые выражения подчеркивают сходство реакции души человека на ту или иную эмоцию с реакцией на физическое воздействие: страх / холод леденит кровь; кровь застывает в жилах от страха / холода; страх / холод сковывает тело и т. п. Нормативное сочетание холодный страх трансформируется в индивидуально-авторское выражение льдистый ужас.[2,95]

Подобная мотивация индивидуально-авторских определений приводит к мысли, что необычные сочетания как бы проецируются на узуальное словоупотребление и ассоциативно с ним связаны: «практический язык, с одной стороны, представляет тот необходимый фон, вне которого не может осуществляться эффект неожиданности и новизны словоупотребления, и, с другой стороны, косвенно участвует в тексте, подсказывая «прототип», лежащий в основе необычного сочетания» [6,85]. Благодаря наличию в нашем языковом сознании прототипов, мы понимаем различные вариации образов, мотивов, символов.

Помимо мотивированных определений, среди редких эпитетов есть такие, образование которых связано с актуализацией этимологической памяти прилагательного: *выписные чувства* – «списанные», «заимствованные из романов», «искусственные»: Наш герой // Ей сыплет *чувства выписные* // И дерзновенною рукой // Коснуться хочет одеяла (Пушкин. Граф Нулин);

дремучая гора – «спящая»: Уж за *горой дремучею* // Погас вечерний луч, // Едва струей *гремучею* // Сверкает жаркий ключ (Лермонтов. Свидание);

заманчивая волна – «манящая»: И вновь тебя зовут *заманчивые волны*. // Дай руку – в нас сердца единой страстью полны (Пушкин. «Завидую тебе, питомец моря смелый...»);

распашиная беседа – «открытая», «очень искренняя», «откровенная»: Хотя бы малый молодой, // Но пожилую мудрость кажешь: // Ты слова лишнего не скажешь // В *беседе* самой *распашиной* (Баратынский. Эпиграмма).

Таким образом, появление индивидуально-авторских эпитетов – это, прежде всего, реализация потенциальной валентности определения и расширение его семантических возможностей, которые, в свою очередь, обуславливаются субъективным, авторским восприятием мира.[5,145]

Количество редких эпитетов незначительно по сравнению с общим количеством определений в поэтической речи, но сам факт появления индивидуально-авторских определений в произведениях всех писателей говорит о том, что происходит обогащение системы средств поэтического выражения в данный период. Однако степень субъективности восприятия не беспредельна и ограничивается конкретной языковой тканью произведения, которая, в свою очередь, предопределяется существующей языковой картиной мира. Именно поэтому количество индивидуально-авторских эпитетов меньше, чем общеязыковых определений, и такое соотношение характерно не только для первой половины XIX века, но и для следующих периодов.

REFERENCES

1. *Апресян, В.Ю, Апресян, Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций. Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27-35.
2. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Изд-во «Русский язык», 2003.
3. *Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: «Азъ», 1995. – 696 с.
4. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка 2002 г.
5. Словарь языка Пушкина: В 4 т. – М.-Л.: ГИС, 2001 г.
6. *Соколовская, Ж.П.* Проблемы системного описания лексической семантики / Ж.П. Соколовская. – Киев: Навук. думка, 1990. – 182 с.
7. Sobirov, A. (2023). EPISTOLARY GENRE IN MODERN TEXTUAL CULTURE. *Modern Science and Research*, 2(5), 980–982. Retrieved